

ЭМОЦИИ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СМЕРТЬ В ТРАДИЦИЯХ ГРЕЦИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

В статье рассматриваются культурные особенности и эмоции, связанные с греческим культом смерти. Анализ современных культовых практик на основе материалов полевых исследований в сопоставлении с античными источниками обнаруживает множество параллелей с официальным культом древних греков и может пролить свет на смысл и содержание античных ритуалов. В статье предпринимается попытка продемонстрировать приспособление новых идеологий к более древним обрядам и верованиям, а также связь между публичными и частными ритуалами. Высказывается предположение о том, что выявленное сходство может представлять собой общий способ выражения в более широком географическом контексте.

Ключевые слова: Греция, культ смерти, связанные со смертью ритуалы, погребальный плач, дары усопшим, поминальные обряды, праздники, посвященные умершим.

Введение

Култ смерти играет особенно важную роль в Юго-Восточном Средиземноморье. Об этом свидетельствует, например, непрерывная борьба за могилы праотцов и праматерей в Хевроне. Главный праздник шиитов посвящен смерти Хусейна, внука пророка Мухаммеда. Во время празднований очень важно совершить паломничество к могиле имама в г. Кербеле (Ирак), что ранее не позволялось режимом Саддама Хусейна. Этот запрет не нов: еще в 850 г. халиф счел политически целесообразным сровнять с землей гробницу аль-Хусейна и запретить паломничество в Кербелу. Однако вмешательство государства оказалось малоэффективным, восстановленная гробница остается и по сей день важнейшим религиозным центром для шиитов. Паломничество в Кербелу снова было разрешено в 2003 г. Для шиитов особенно важно быть похороненными рядом со святыней, т.к. они верят, что это обеспечит попадание в рай [Grunebaum, 1981]. Проявления культа смерти также встречаются на Балканах и в более северных землях. Так, в 1988 г., через 600 лет после поражения серб-

ского князя Лазаря на Косовом поле, верующие пронесли его гроб в крестных ходах по каждой деревне в Сербии. А в России в советское время некоторые жители провинции привозили своих новорожденных детей в Москву, чтобы они прикоснулись к Мавзолею Ленина. Осенью 1990 г. люди прошествовали по улицам Ленинграда с портретами последнего царя. Возможно, они хранили эти портреты у себя дома и почитали их в предшествующие годы. После краха коммунизма стало явным, что люди продолжали тайно соблюдать различные религиозные ритуалы. Подобным образом ритуалы, рассматривавшиеся Греческой Церковью как языческие, сохранялись греками, сначала жившими за пределами Греции, а затем вернувшимися на родину. В недавнее время они в целом были разрешены.

Култ смерти может играть важную политическую роль на Балканах, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Похожая ситуация была в Греции в древности. Так, глава апостола Андрея сейчас покоится в церкви его имени в Патрах на Пелопоннесе, где святой считается покровителем города. Между 1460 и 1963 гг. святыня находилась в Риме,

поскольку при бегстве от турок Фома Палеолог взял ее с собой. Борьба за мощи св. Андрея на протяжении 500 лет имеет свои параллели в борьбе за останки древних героев, таких как Тесей (Геродот. I, 67; Плутарх. «Жизнеописание». 36,1), Орест (Павсаний. III, 3, 7) или Гектор («Илиада». XXIV, 793). Для израильян кости Иосифа так же важны, как гроб Лазаря и реликварии, которые проносят в крестных ходах в современной Греции. Другой параллелью служит плащаница с изображением Христа. Она имеется в каждой православной церкви и проносится в крестном ходе в Страстную пятницу. Иногда плащаницу погружают в море, что соответствует ежегодной процессии со смертным одром Адониса в Древней Греции и Египте (Феокрит. XV, 132–142). Следует задать вопросом: может ли прояснить современные политические проблемы более пристальный взгляд на культ смерти в Греции нашего времени в сравнении с его античными параллелями?

Для исследования данной проблемы в статье рассматриваются культурные особенности и эмоции, связанные с греческим культом смерти. Этот культ представляет собой общее культурное явление в географической зоне от Португалии на западе до Ирана на востоке. Он также встречается в балканских странах и России. Почему культ смерти так устойчив? В чем он состоит и как проявляется? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим характерные аспекты культа смерти в греческой традиции. Анализ будет основываться на материалах полевых исследований, которые я проводила с начала 1980-х гг., в сопоставлении с античными источниками. Сравнение проявлений культа (траур, ритуальное оплакивание, обращение с телом, похоронная процессия, погребение, поминки и последующие поминальные обряды) в античном и современном обществе должно проиллюстрировать, как современные ритуалы могут пролить новый свет на древние, и наоборот. В основном я буду переходить от современности к древности, т.е. в первую очередь представлять полевые наблюдения, а затем обращаться к античным материалам. Однако, чтобы избежать ненужных повторений, я иногда буду также рассматривать древние параллели в связи с современными материалами.

Культе смерти

В греческой культурной среде культ смерти объединяет культ умерших членов семьи и великих людей, как недавно скончавшихся, так и давно почивших героев (Гесиод. «Труды и дни». 654 и след.; Павсаний. I, 36, 3) или героинь (Павсаний. I, 43, 4 и след., VIII, 35, 8). Это явление с очевидностью проявляется в древних культах предков и героев и в современной

практике святости в христианских областях, турецком Мевлане и у марабутов Северной Африки, что предполагает связь с фундаментальными воззрениями или с долговременными ментальностями в Средиземноморье. Культ предков является почитанием или умилованием прародителей, культ героев или героинь, а позже и святых – умершего значимого человека. Это явление служит важным ключом к пониманию большинства религиозных праздников. Дело в том, что многие из них были ежегодным торжеством, посвященным усопшему хранителю общества. Этот хранитель являлся посредником между людьми и сверхъестественным в той иерархической структуре, которую представляло собой политеистическое или полидаимоническое общество, подобно тому, как герой или героиня функционировали, когда еще были живы.

Древние греки считали, что многие спортивные праздники происходили от торжеств, посвященных великим мужам или женам. Для примера можно упомянуть Парпаронии в Спарте. Хотя они были посвящены Зевсу, для праздника также имел большое значение герой. То же можно сказать о посвященных Афине Панафинейх. Традиционно исследователи, как, например, Н. Робертсон [Robertson, 1992], сосредоточивались главным образом на культе рожденного Землей Эрехтея. Тем не менее некоторые героини, такие как Пандроса и Аглавра, также имели особое значение в связи с празднеством. У всех атлетических праздников в Древней Греции был свой герой, поскольку они восходили к чьей-то мифической смерти и погребению, иными словами, игры на празднествах возникли как погребальные в честь героя. Ритуалы воспроизводили церемонии, которые совершались при захоронении и поминальных торжествах. Такая же картина возникает при рассмотрении Панэллинских игр и более мелких местных, хотя в этом случае связь будет не столь явной. Наличие предполагаемой гробницы было важнейшим условием для выбора места игр. Решающее значение в культе героя как человека, жившего в давние времена, но все еще почитаемого, имели кровавые жертвы в его честь. Умершие герои, как и героини (Павсаний. IX, 17, 4–6), обладали магической силой и были посредниками между еще более могущественными потусторонними силами, отвечавшими за плоды земли. Ради мира живых необходимо было уметь манипулировать ими. Поскольку эта модель также встречается в современных религиозных праздниках, посвященных умершим, они связаны с культом мертвых и могут быть названы «празднествами смерти». Кровавые жертвоприношения земле совершаются и в наши дни через посредство умерших святых, таких как Константин и Елена, перед уборкой зерна (рис. 1).

Рис. 1. Ритуальное жертвоприношение во время праздника Анастасария, посвященного святым Константину и Елене, в д. Агия Елена (греческая Македония) 21 мая 1992 г. (горло ягненка перерезается так, чтобы кровь вытекала в свежерытую яму в окружении горшков со святой водой). Здесь и далее фото Э.И. Холанд.

ным культом смерти и официальными праздниками. Мы сталкиваемся с тем же явлением в праздновании православной Пасхи, посвященной смерти и воскресению Христа (рис. 2, 3). Кроме того, среди древних праздников два особенно тесно связаны с культом смерти: Адонии, посвященные богу растительности Адонису, и дионисийские Анфестерии, которые были праздником пробуждения природы и одновременно днями поминовения умерших.

Связанные со смертью ритуалы и религиозные праздники

Связанные со смертью греческие ритуалы очень часто кажутся людям из Северной Европы и США совершенно чуждыми, странными и экзотическими. Разница между знакомыми «нами» и экзотическими «ими» является главным препятствием в понимании мира «другого». Однако подобные препятствия можно преодолеть при готовности соучаствовать [Danforth, 1982, p. 5], что можно успешно сделать при полевых исследованиях.

Я провела полевые исследования современных религиозных праздников, посвященных умершим, и частных ритуалов, связанных со смертью [Håland, 2007, 2008]. Важнейший общегреческий праздник отмечается 15 августа и называется «Успение Божьей Матери». За смертью Богородицы следует ее погребение, а также «Чин 9-го дня о Панагии» 23 августа, что соответствует обычному ритуалу, связанному со смертью, который осуществляется в домашних условиях. Это отражает связь между народ-

Рис. 2. Моление о дожде перед иконами на кладбище в д. Олимп на о-ве Карпатос в Светлый вторник после Пасхи, апрель 1992 г.

Рис. 3. Крестный ход с иконами по полям в окрестностях д. Олимп после ритуала на кладбище в Светлый вторник.

Греческие религиозные праздники чаще всего посвящены тому или иному умершему, в случае античных праздников – умершему вместе с богом, часто богом растительного мира. Соответственно, они иллюстрируют значимость бытовавших в народе верований, сопряженных с культурами плодородия и смерти, в сохранении официальной идеологии в античном и современном обществах. Эти культы связаны с домашней, или женской, сферой деятельности, которая представляет собой важную область культуры в Средиземноморье, где сферы деятельности и роли мужчин и женщин четко дифференцированы.

Ритуалы, связанные со смертью, имеют ярко выраженный эмоциональный характер. Уход из жизни человека, его похороны и поминание являются наиболее трудными моментами в жизни близких усопшего, и изучение этих ритуалов означает изучение людей в состоянии скорби, которая представляет собой универсальное общечеловеческое чувство. Однако в Средиземноморье оно выражается особенным образом: здесь бытует традиция погребального плача [Seremetakis, 1991; Holst-Warhaft, 1992; Alexiou, 2002].

Важно понимать культурное значение эмоций в Средиземноморье, отличное от традиционно принятого на Западе их идеологического подавления. Описывая женщин, мужчины, авторы античных текстов, указывают, что их роли отличаются от мужских и они по-другому реагируют на войну и семейные кризисы. Конечно, по античным текстам трудно судить о том, как понимали женщины приписываемые им мужчинами роли, поскольку женщины воспринимают мир иначе, чем мужчины. Аналогичную ситуацию мы встречаем в современном греческом обществе, и на основе ценностей современной гречанки это понимание можно назвать «поэтикой женственности» [Dubisch, 1995, гл. 10]. Суть данного явления – показать, как хорошо быть женщиной. Женщинам античного мира и современным присущи одни и те же символические категории, позволяющие при исполнении своей роли опираться на ряд культурных смыслов, связанных с женским телом, материнством, сексуальностью и деятельностью женщин в религиозной сфере. Важным проявлением «поэтики женственности» являются эмоции. Со времен Платона женщины считаются более эмоциональными, чем мужчины, и женский погребальный плач тесно связан с эмоциями, поскольку стенания должны вызывать у слушателя эмоциональный отклик. В Средиземноморье жесты и ритуалы имеют огромное значение, они являются важнейшими способами самовыражения. Этот «язык тела», или перформативная модель коммуникационного процесса, столь же важен, как и вербальная коммуникация, и особенным образом связан с культом смерти.

Частные погребальные и поминальные обряды, совершаемые в настоящее время, отражают публичные

ритуалы. Современные культовые практики обнаруживают много сходства с официальным античным культом (анalogии приводятся) в различных источниках. Следующий раздел содержит описание похорон в д. Пиргос Диру во Внутреннем Мани (южная часть п-ова Мани) на Пелопоннесе, свидетелем которых я стала в 1992 г., а также анализ того, как современные ритуалы соотносятся с античными источниками и проясняют значение античного культа смерти.

Плач женщин и погребение мужчинами

Ритуальный плач сопровождает похороны, которые являются наиболее посещаемым другими людьми событием жизненного цикла человека. После смерти покойника омывают, одевают, кладут на носилки, и женщины начинают ритуальные причитания, покачиваясь в такт телами. Эти причитания делятся на три этапа: они поются на традиционных поминках в доме до погребения, во время похоронной процессии и на могиле. После погребения покойный оплакивается в определенные промежутки времени. Плач по умершему представляет собой ритуал, который рассматривается как общественный долг в большинстве деревень.

Умершего погребают через 12–24 часа после смерти. В Мани похороны начинаются с дома детства усопшего, хотя он мог жить в другой деревне в течение всей своей взрослой жизни. Двор переполнен посетителями. В гостиной умерший школьный учитель Константинос Ник. Пойланцас в парадной одежде лежит в гробу, вдоль которого с правой стороны стоят зажженные свечи. Как и в древности, в настоящее время покойникам кладут монету на лоб или в рот. Люди отправляют с покойным сообщения и подарки своим умершим близким. Эти подарки кладут на умершего, а затем следуют объятия и поцелуи в лоб. Люди находятся у тела умершего всю ночь перед погребением. Вдова покойного руководит 34 плакальщицами, сидящими вокруг гроба. Они поют не все сразу, погребальный плач переходит в том же направлении, как и все, что передается вокруг тела – кадило, еда или напитки. Когда плакальщицы поют о жизни умершего с детства до самой смерти, они совершают женскую часть ритуала, которая длится всю ночь до полудня следующего дня, когда погребальное бдение достигает своей кульминации – великого плача. После этого приходят священники, и начинается мужская часть ритуала. Но женщины продолжают плач, как будто ничего не происходит.

Содержание погребального плача вполне традиционно – это вопросы, задаваемые умершему. Посредством плача устанавливается связь между живыми и мертвыми. Плач может начинаться прощанием умершего человека со своими ближайшими родственниками

ми и включать угрозы. В погребальном плаче нередко содержатся протест против современных врачей, призывы к социальным изменениям и возражения против официальной религии и ее ложных обещаний вознаграждения благочестивых в загробной жизни. В нем часто фигурирует понятие судьбы. Сетования передаются из поколения в поколение, особенно от матери к дочери. Множество источников свидетельствуют о народных представлениях о загробной жизни. Погребальный плач иллюстрирует преемственность дохристианских моделей, поскольку многие его темы встречаются в надписях из древних погребений. Как и в надписях на античных гробницах, в современном погребальном плаче может присутствовать своего рода магическое заклинание, когда к умершему обращаются с призывом: «Вставай, моя любовь, воскресни! Воскресни и поговори со мной»*. Древней параллелью служат горький плач матери на могиле умершей до свадьбы дочери с обращением к ее душе («Палатинская антология». VII, 486) и плач Антигоны, которая обращается к умершим родителям и брату (Софокл. «Антигона». 866–871, 891–928).

Женщины сначала оплакивают умершего, затем своих покойных близких, как это происходило в современной деревне Олимпос на о-ве Карпатос на юге Греции во время празднования Пасхи (см. ниже), а заканчивается плач чаще всего оплакиванием положения самой плакальщицы. Она не выступает от лица умершего, который находится в центре события, как в погребальной песни Кассандры у Эсхила (Эсхил. «Агамемнон». 1322–1326, 1341), исполнившей плач по себе самой по пути к смерти (Эсхил. «Агамемнон». 1345). Современные плакальщицы обычно жалуются на свою судьбу и на то, что смерть отняла у них близкого человека. Во время исполнения плача женщины ритмично покачивают телом, бьют себя в грудь, царапают щеки и рвут на себе волосы. До недавних пор они состригали волосы, чтобы покрыть ими лицо умершего, как это происходило во время траура по Патроклу в «Илиаде» (XXIII, 135 и след., 151). Возможно, плакальщицы визуализируют свою внутреннюю эмоциональную реакцию на смерть.

Как и в Древней Греции, связанные со смертью ритуалы в современной Мани относятся к семье и дому усопшего, в то время как погребение имеет общественный характер, представленный Церковью. Контраст между ритуальным плачем, погребальным бдением и погребением отражает прежнее противостояние древнего культа предков и официальной религии в Мани [Seremetakis, 1991]. Можно также упо-

мянуть древние могущественные роды и их культы, с которыми боролись как древние законодатели, так и, чуть позднее, классический полис. Кроме того, велась борьба против женского способа выражения скорби, дававшего женщинам значительную власть над ритуалами, связанными со смертью.

Когда ритуальное бдение в Мани завершается, входят священники, а затем и мужская часть близких покойного, в первую очередь его двое сыновей, приехавших домой из Фессалоник и Афин. Священники совершают официальный обряд, который заканчивается благословением людей святой водой, что служит параллелью древним ритуалам очищения.

Затем начинается похоронная процессия к церкви Богородицы Панагии. За музыкантами идет человек с венком от школы, в которой усопший работал учителем, другой несет крышку гроба. Далее шествуют священники и семь мужчин, несущих открытый гроб. За ними идет женщина с коливом на блюде – смесью пшеницы, орехов и фруктов, которая обычно предлагается во время панихиды на могиле. Затем следует женщина с бутылкой воды, полотенцем, чашками, ложками и несколькими бутылками «Метаксы». Другая несет пучок свечей и икону Панагии. По мере того как похоронная процессия медленно движется по деревне, к ней присоединяются новые члены. В часовне на окраине деревни процессию ждет еще большее число людей.

Гроб располагается перед иконостасом. Пока священники совершают погребальный обряд, люди заходят в часовню, целуют икону на входной двери и зажигают свечи. После проповеди несколько мужчин произносят надгробную речь, говоря об общественной жизни усопшего и особенно о всех его пожертвованиях в церковь, что служит параллелью древним литургиям. После этого церемония в часовне заканчивается.

Кладбище находится на окраине деревни. Оно окружено высокими кипарисами, символизирующими смерть и траур. Музыканты остаются на дороге, а погребальная процессия входит на территорию кладбища. Священник окропляет елеем усопшего (в форме креста – голову, ноги и по обе стороны от талии), чтобы его душа и кости стали белыми как снег, а также землю с обеих сторон могилы. Люди моют руки водой из бутылки. Это современная параллель, иллюстрирующая боязнь миазмов и осквернения смертью в древности, когда сосуд с водой ставили вне дома с покойником, чтобы выходящие могли очиститься.

Люди выстраиваются на дороге, ведущей к кладбищу. Все приветствуют семью покойного и получают коливо и «Метаксу». Каждый произносит пожелание о прощении покойного. В кафе рядом с кладбищем находится несколько пьяных людей, как это обычно бывает в Греции на похоронах или на Пасху, и женщин, голос которых стал хриплым после плача. Семья усопшего приглашает родственников и друзей на рыбную

*Ср.: [Caraveli, 1986, p. 181–186], а также Еврипид. «Электра». 678–681; Эсхил. «Хозфоры». 456–461; «Персы». 619–681, 687 и след. См. также: «Палатинская антология». VII, 524, 659.

поминальную трапезу. Родственники покойного не будут есть мясо в течение следующих 40 дней в ожидании главного поминального обряда.

Произведения Гомера, Платона, Плутарха, трагедии, надгробные речи, надписи, изображения на вазах и надгробия рассказывают нам о культуре смерти в античную эпоху. Тогда, как и сейчас, погребение и оплакивание были неперенным условием обретения умершим блаженства в потустороннем мире, в противном случае душа усопшего продолжала бы скитаться без упокоения («Илиада». 10).

Древний погребальный ритуал также можно разделить на две главные части: траур и погребение. Плач женщин был связан с трауром («Илиада». XIX, 282–302; XXIV, 710–776; ср.: Еврипид. «Гекуба». 609–619; Софокл. «Электра». 1137 и след.), мужчины же осуществляли погребение («Илиада». 24, 785–799, см. также: Платон. «Законы». 947b–e, 958–960; ср.: Фукидид. II, 34; Attic Black-figured Lekythoi, 1936, p. 229, n. 59). За плачем сразу после смерти близкого человека следовали омовение тела и его подготовка для погребального бдения. Женщины играли ведущую роль в этих обрядах. Последующим погребальным бдением с ритуальным оплакиванием могли руководить как женщины, так и мужчины, а заключительную церемонию погребения возглавляли исключительно мужчины*.

Во время бдения одр окружали женщины из семьи покойного и профессиональные плакальщицы. Плач начинала мать или жена усопшего («Илиада». XXIV, 719–776). Женщины били себя в грудь и рвали на себе волосы. Эти жесты, а также нанесение ран на щеки и грудь, сопровождаемое разрыванием одежд, были обычными элементами ритуального плача. Как и в современном обществе Мани [Seremetakis, 1991, p. 28, 127–129, 144–157], древние ритуалы оплакивания мертвых часто включали требования отмщения (Эсхил. «Хоэфоры». 324–339, 886). В наше время, как и раньше, плач по умершему дает выход скорби. Имея двойную функцию, оплакивание воздает почести усопшему и выражает несколько противоречивых эмоций.

Древняя погребальная церемония включала вынос покойника к месту погребения, кремацию тела, ритуалы на могиле и захоронение останков.

Гробницы и приношения

Надмогильные сооружения и приношения на могилах могут много рассказать о древних и современных

представлениях о загробной жизни. В Древней Греции известны стандартизированные курсы (статуи юноши-атлета) и стелы. Помимо пищи, приношения могли включать пряди волос, ленты, венки, цветы и небольшие керамические сосуды. В наши дни на могилах можно увидеть фотографии и такие дары, как блок сигарет, конфеты или игрушки, в зависимости от возраста и вкуса покойного и его близких. Умершей в возрасте 75 лет Екатерине Г. Тавулари в небольшое углубление на могиле, где находится икона и три красных цветка, положили ее очки и часы.

Каждую субботу утром женщины демонстрируют «поэтику женственности», наводя порядок на кладбище и убирая могилы близких. Затем они раскладывают свои пищевые приношения, таким образом поддерживая социальные отношения с мертвыми. Эта тема часто фигурирует в погребальном плаче, что указывает на тесную связь данных ритуалов.

На третий, девятый и сороковой день после погребения совершается поминальный обряд. Умершего также поминают каждые шесть месяцев в течение трех лет до эксгумации костей покойного; особое значение имеет поминовение в день смерти. Три года вдова будет приходить на могилу каждый день, чтобы вспоминать о своем умершем муже и заботиться о его могиле. Первые сорок дней она поддерживает огонь масляной лампы дома перед фотографией мужа, потом, когда появится надгробие, принесет фотографию на кладбище. Люди молятся, чтобы земля приняла усопшего. В это время вдова носит черную траурную одежду. Хотя ритуал на сороковой день завершает первый период траура и уединения, женщина может продолжать носить черную одежду всю оставшуюся жизнь. Как и героини античных источников («Илиада». XXIV, 93 и след.; Плутарх. «Моралии». 608f4), женщины показывают свою скорбь, одеваясь в траурные одежды. Женское тело представляет собой важный источник социальной символики, играя существенную роль в «поэтике женственности». Тела вообще обладают социальным смыслом, который используется в публичном поведении. В Греции женское тело представляет семью и социальные отношения в целом ряде различных контекстов. Облачаясь в черную траурную одежду после смерти члена семьи, женщина становится символом траура и родственных отношений между умершим и живыми.

За девять дней до первой годовщины смерти отец покойного Панайотис Видалес прикрепляет объявление о событии на фонарных столбах в д. Тинос на о-ве Тинос. Церемония начинается с литургии в церкви, посвященной святому покровителю семьи. После этого раздаётся коливо, на которое на время богослужения была помещена фотография усопшего. Она обычно берется с могилы и возвращается на место после церемонии вместе с венком от матери покойного. Присутствующих угощают пирожными, кофе и «Метаксой».

*Ср.: «Илиада». XXIV, 793–796. По поводу женской скорби см.: «Илиада». XIX, 282 и след.; XXIV, 710 и след.; «Одиссея». VIII, 523–530; мужской – «Илиада». XVIII, 22 и след.; XXII, 408.

Кроме поминок в семейном кругу, существуют и годовые коллективные поминальные торжества. Некоторые особые дни посвящены умершим, например, древние Антестерии, но сегодня эти праздники называются «субботы душ» или «родительские субботы». Они отмечаются в конце зимы и в конце весны, т.е. когда зерно прорастает и когда оно созревает. Считается, что в это время души умерших посещают мир живых. Согласно древним верованиям, мертвые посещали свои бывшие дома и бродили среди живых в течение трех дней около времени начала весеннего цветения, когда праздновались Антестерии. В родительские субботы женщины приносят на кладбище пищу (рис. 4), которую после благословения священника съедают, чтобы душам усопших было даровано прощение.

После эксгумации костей умерших живые должны отмечать только коллективные дни поминовения. Но усопших, как правило, поминают в годовщину смерти и после повторного захоронения останков в оссуарии.

Древние жертвоприношения и поминальные ритуалы

В античности погребальный обряд включал различные ритуалы, кровавые жертвоприношения, плач и танцы. Жертвы («Одиссея». XI, 30–33) мотивировались не только сопровождающей горю бессильной яростью, они представляли собой приношения мертвым, соответствующие посвящениям хтоническим божествам. Новую могилу посыпали зерном. Здесь совершали возлияния, после чего сосуды иногда разбивали и оставляли на могиле, как бутылку вина в наши дни. Ни одни похороны не обходились без погребального пиршества, и на рельефах умершие часто изображались на пиру. Похоронные обряды завершались очищением дома и принесением жертвы Гестии (богине домашнего очага [Sylloge Inscriptionum Graecarum, 1960, n. 1218]).

Жертвоприношение и тризна повторялись на третий и девятый день, и пищу опять приносили на могилу. На тридцатый день устраивали общий пир по случаю окончания официального траура. Как и сегодня, годовщину смерти отмечали особым ритуалом, а могилу посещали и по другим, менее формальным поводам.

Обязанность ухода за могилами ложилась на потомков, официально – на граждан мужского пола, но на практике на погребальных белофонных лекифах, которые клались в могилу или на могилу, преобладают

Рис. 4. Поминование умершего во вторую из трех родительских суббот, во время Великого поста в конце зимы, 7 марта 1992 г., Серрес (греческая Македония).

женские изображения. Это подтверждает решающую роль женщин в заботе о мертвых и семейной гробнице. О том же свидетельствуют и письменные источники (Еврипид. «Орест». 112–124).

Расширенная семья у греков была очень важна в политической и социальной структуре полиса. Она могла демонстрировать свою идентичность через обладание семейным кладбищем на земле предков (Демосфен. XLIII, 79; LVII, 67). До недавнего времени этот обычай бытовал в Карпатосе и Мани.

Древний законодатель Солон хотел уменьшить расходы на похороны и ограничить неумеренность в выражении скорби (Плутарх. «Жизнеописания». 12В, 21.4 и след.). Он превратил Генесии – торжества в годовщину смерти великого человека – в официальный праздник, посвященный всем умершим, что было частью процесса демократизации.

Различные формы членовредительства выражали женскую скорбь и служили способом уменьшить эмоциональное страдание через его преобразование в физическую боль. В политизированной среде проявление горя на похоронах давало возможность клану показать свое могущество, а власти демонстрировали свою силу через ограничение или запрещение обрядов. Театрализованной иллюстрацией служит «Антигона» Софокла, где одинокая женщина присыпала землей и почтила возлиянием труп своего брата, что было воспринято как политическая угроза. В Средиземноморье имеются исторические параллели этому примеру.

С VI в. до н.э. в Афинах и других городах-государствах был введен закон, направленный на ограничение траура по умершим, в особенности оплакивания. Боль, разочарование и гнев скорбящих женщин представля-

ли мощный вызов общественному порядку. Потребность государства в постоянной армии обуславливала необходимость прославления смерти на поле брани, и надгробная речь стала восприниматься как усвоение и облагораживание мужчинами женского погребального плача [Holst-Warhaft, 1992]. Об этом свидетельствует речь Перикла о погибших в первые годы Пелопоннеской войны (Фукидид. II, 34–46). Стремление мужчин присвоить функцию женщин в похоронных ритуалах говорит о признании большого значения женских обрядов. Попытки мужчин в Афинах взять под контроль празднования и погребальный плач женщин не были успешными (тот же самый процесс повторился в Византии), и в наши дни женщины по-прежнему оплакивают своих умерших. Погребальный плач и другие женские обряды остаются главной частью похоронного ритуала в сельской Греции.

В классическом афинском полисе (в период демократии) власти большое значение придавали публичным похоронам тех, кто отдал свою жизнь служению государству. Однако обычные люди, по всей видимости, не испытывали подобных чувств, и даже Перикл позволял женщинам оплакать своих мертвецов (Фукидид. II, 34), погребенных в общей могиле, выстраивая параллель между официальными и частными ритуалами того времени. Это служит еще одним напоминанием о том, как трудно изменить глубинные убеждения и чувства людей, а также о том, что официальные ритуалы отражают народный культ, проявляющийся в частной сфере. И в современной публичной церемонии в родительскую субботу в Афинах официальные торжества составляют лишь небольшую часть всего ритуала, куда входят поминовение св. Феодора, общие поминальные обряды и частные, посвященные усопшим близким. Несмотря на торжественную проповедь архиепископа и речь мэра Афин, раздачу общего колива и возложение венков к памятнику павшим воинам Второй мировой войны, эта часть празднования не обязательно является более важной, чем частные ритуалы людей на могилах их близких после официальной церемонии. Некоторые не принимают участия в ней, а сразу идут на кладбище.

Связь между живыми и мертвыми

Через свой плач женщины общаются с умершими, они считаются посредниками между миром мертвых и миром живых. В Греции женские траурные ритуалы были и остаются неотъемлемой частью обрядов, связанных со смертью. В д. Олимпос женщина объяснила, что письма, которые прикладывают к плащанице в Страстную пятницу, являются погребальным плачем «*moirologia*», записанным в память об умерших. Он сопровождается фотографией усопшего близкого человека. Когда муж-

чины покидают церковь после богослужения, женщины начинают свой собственный ритуал оплакивания перед плащаницей, но они оплакивают не Христа, а своих усопших членов семьи, особенно тех, кто умер совсем недавно и кто изображен на фотографиях.

Плач является женским ответом на смерть, но также воплощает отношение общества к смерти и, соответственно, имеет фундаментальное значение для жизни. Плакальщицы отвечают за сохранение живой памяти об умерших, не дают забыть о героических предках. Например, образ Александра Великого, одного из предполагаемых славных предков греков и других европейцев, живет в памяти благодаря оплакиванию усопших.

Культ мертвых и по сей день остается основой и выражением идентичности рода. Воздаваемая предкам честь порождает желание продолжать их дело, поэтому греческий культ смерти обеспечивает преемственность традиций.

Список литературы

- Attic** Black-figured Lekythoi / С.Н.Е. Haspels. – P.: De Boccard, 1936. – Т. 1. – X, 407 p.; 54 pl.
- Alexiou M.** The Ritual Lament in Greek Tradition. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 338 p.
- Caraveli A.** The Bitter Wounding: The Lament as Social Protest in Rural Greece // Gender and Power in Rural Greece / ed. by J. Dubisch. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1986. – P. 169–194.
- Danforth L.M.** The Death Rituals of Rural Greece. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1982. – 237 p.
- Dubisch J.** In a Different Place: Pilgrimage, Gender, and Politics at a Greek Island Shrine. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1995. – 316 p.
- Grunebaum G.E., von.** Muhammadan Festivals. – L.: Curzon Press, 1981. – 115 p.
- Håland E.J.** Greek Festivals, Modern and Ancient: A Comparison of Female and Male Values. – Kristiansand: Norwegian Academic Press, 2007. – 765 p.
- Håland E.J.** Greek Women and Death, ancient and modern: A Comparative Analysis // Women, Pain and Death: Rituals and Everyday-Life on the Margins of Europe and Beyond / ed. by E.J. Håland. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 34–62.
- Holst-Warhaft G.** Dangerous Voices: Women's Laments and Greek Literature. – L.; N.Y.: Routledge, 1992. – 230 p.
- Robertson N.** Festivals and Legends: The Formation of Greek Cities in the Light of Public Ritual. – Toronto; Buffalo; L.: Univ. of Toronto Press, 1992. – 301 p.
- Seremetakis C.N.** The Last Word: Women, Death, and Divination in Inner Mani. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. – 281 p.
- Sylloge** Inscriptionum Graecarum / ed. by W. Dittenberger. – Hildesheim: Georg Olms, 1960. – Vol. 3. – 402 p.

*Материал поступил в редколлегию 06.09.10 г.,
в окончательном варианте – 13.09.10 г.*